

ПАРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; rvparma@mail.ru)

СУЧИЛИНА Анна Александровна — доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; aasuchilina@fa.ru)

ДИСКУРС ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье рассматривается дискурс гуманитарных технологий в современных зарубежных исследованиях, раскрывается категория «гуманитарные технологии», описываются ее ключевые характеристики, приводится сравнение отечественного и зарубежного подходов к пониманию гуманитарных технологий. Авторы считают, что в зарубежных и российских исследованиях понимание гуманитарных технологий существенно различается. В зарубежных исследованиях дискурс состоит в анализе внедрения цифровых технологий в сферу гуманитарной помощи людям, оказавшимся по различным причинам в бедственном положении. В российских исследованиях дискурс включает множество аспектов влияния на сознание человека посредством коммуникации в различных сферах жизни.

Ключевые слова: гуманитарные технологии, социальное влияние, информационное воздействие, общественное сознание, общественное мнение

В зарубежных и российских исследованиях понимание гуманитарных технологий существенно различается. В зарубежной литературе гуманитарные технологии трактуются как технологии, расширяющие возможности для гуманитарной деятельности. Они рассматриваются применительно к широкому контексту кризисов, включающих стихийные бедствия и последствия вооруженных конфликтов. Гуманитарные технологии зарубежные исследователи предлагают понимать в контексте функциональности и эффективности реализации современной гуманитарной повестки дня, что позволяет дистанционно управлять чрезвычайной ситуацией. Гуманитарные технологии используются для повышения качества предотвращения, смягчения последствий, готовности, реагирования, восстановления в условиях бедственного положения людей.

Ряд зарубежных исследователей полагают, что цифровые технологии позволили качественно улучшить гуманитарную деятельность. Применение мобильных телефонов, социальных сетей, геопространственных технологий и различных форм коллективного творчества значительно изменило подходы к выявлению и урегулированию гуманитарных кризисов, а также к сбору, анализу и распространению информации [Meier 2011]. Технологии биометрической идентификации все чаще применяются как инструменты для оказания экстренной помощи беженцам. С гуманитарными технологиями связывается использование беспилотных летательных аппаратов. Технологические разработки меняют возможности предотвращения, реагирования и мобилизации ресурсов как для гуманитарных организаций, так и для пострадавших сообществ [Sandvik et al. 2014].

Исследователи рассматривают возможности технологий преобразовать гуманитарную деятельность, особенно в области сбора и использования данных. Так, в современном мире укрепилась тенденция использования социальных сетей и *sms*-данных в кризисных ситуациях. Передовые гуманитарные технологии в информационной сфере получают доступ к данным быстрее и точнее их обрабатывают. Исследователи выделяют визуальные технологии кризисного картографирования, а также использование больших данных в качестве аспектов цифрового гуманизма. По их мнению, последствия будущей технологической эволюции способствуют формированию «постмодернистского гуманизма» [Read, Taithe, Mac Ginty 2016].

Многие зарубежные авторы, стремясь разработать целостный подход к гуманитарным технологиям, сосредоточены на исследовании вопросов влияния новых технологий на сообщества, пострадавшие от стихийных бедствий. Исследования отражают дебаты по поводу государственных и частных спонсоров гуманитарных проектов, способов анализа и мотивов хранения больших данных, которые имеют большое значение для безопасности человека и суверенитета стран. Чаще всего гуманитарные технологии используются в нестабильных странах для обеспечения безопасности населения [Kalkman 2018]. Исследователи отмечают, что технологические достижения открыли возможности для поддержки и улучшения доступа к гуманитарной сфере. Однако некоторые технологии могут создавать новые формы риска, а чрезмерная зависимость от технологий может способствовать расширению разрыва между гуманитарными работниками и нуждающимися людьми [Belliveau 2016].

В российских исследованиях гуманитарные технологии охватывают теоретические, методические и практические аспекты прежде всего в сферах образования, культуры и политики, в научных областях лингвистики, психологии, педагогики, социологии, коммуникации, рекламы и связей с общественностью [Домбровская, Огнев 2024]. Гуманитарные технологии нацелены на то, чтобы через информацию внедрять в массовое сознание определенные идеи, которые будут соответствовать интересам определенных групп общества. Насколько успешно гуманитарные технологии влияют на общественное сознание, можно оценить по эмоциональной реакции людей. Она может быть как положительной, вызывая радость, счастье, успех, так и отрицательной, провоцируя гнев, ненависть и страх. Еще гуманитарные технологии рассматриваются как набор логически обоснованных и практически проверенных приемов непрямого воздействия на общество для управления социальным поведением в определенных целях и интересах.

Ряд российских исследователей гуманитарные технологии рассматривают в виде политического ресурса – как обеспечивающего целостность государства, формируя общественное согласие и консолидацию элит, так и подрывающего единство государства, провоцируя этнические, религиозные и социальные расколы. В арсенале подрывных технологий – методы ненасильственного сопротивления и разрушения сознания. Гуманитарные технологии исследователи определяют как разновидность социальных технологий, которые используют убеждение и манипулирование для воздействия на людей. В современном мире гуманитарные технологии задействуют элиты в геополитическом противостоянии. Глобальные игроки их используют для разжигания конфликтов, преследуя свои интересы. Однако гуманитарные технологии представляют собой ценностно нейтральное «обоюдоострое оружие». На своеобразном рынке гуманитарных технологий соревнуются специалисты

как по подрыву, так и по укреплению государственной целостности. В противостоянии должны преследоваться идеальные цели и эффективные средства, предусматривающие овладение практиками действий и формирование мировоззренческих установок [Клачков, Подьяпольский 2018].

Гуманитарные технологии позволяют создавать, изменять и обрабатывать рамки и правила поведения людей. Такие технологии предназначены для производства, упаковки и продвижения смыслов [Сазонова 2017]. Исследователи этимологизируют гуманитарные технологии по сферам общественной жизни: политические, социальные, экономические, культурные, образовательные и т.д. Кроме того, они подразделяются по признакам выраженности манипуляций, силы воздействия на массовое сознание, уровню деструктивности и конфликтности, соблюдения этических норм, дифференциации знаний и др. [Сазонова 2018]. Наиболее близкими пониманию российских исследователей гуманитарных технологий являются западные концепции «мягкой силы», постправды и когнитивных войн.

Технологии «мягкой силы» представляют собой комплекс стратегий и инструментов, которые используются в международной политике для влияния на другие государства через сотрудничество и формирование положительного имиджа. Понятие «мягкая сила» было введено Джозефом Наем, профессором Гарвардского университета и бывшим заместителем министра обороны США. Под «мягкой силой» Дж. Най понимал способы гуманитарного воздействия, которые позволяют достигать доминирования США благодаря привлекательности массовой культуры, образа жизни и политической идеологии. В отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение к определенным действиям и основывается на военной мощи, «мягкая сила» строится на установлении отношений доверия и лидерства [Nye 1990].

Стратегия «мягкой силы» реализуется через механизмы прямого или опосредованного влияния на элиты иностранных государств и непрямого или опосредованного воздействия на общественность зарубежных стран. Инструментами «мягкой силы» стали общественная дипломатия, средства массовой информации, программы культурных обменов, привлечение иностранных студентов, а также оказание помощи в ликвидации последствий стихийных бедствий. Как полагал Дж. Най, суть «мягкой силы» заключается в способности достигать необходимых результатов посредством притяжения, а не принуждения или оплаты: «Если вы можете заставить других желать то, чего вы желаете, вам не придется тратить много ресурсов на кнут и пряник, чтобы заставить их двигаться в нужном направлении» [Най 2006]. «Мягкая сила» опирается на возможность формировать предпочтения других для достижения заинтересованной стороной благоприятных для себя результатов. Применение инструментов «мягкой силы» основывается на трех ключевых источниках: привлекательной культуре, политических ценностях и моральной внешней политике.

Для закрепления доминирования США на международной арене под маркой мирового лидерства Дж. Най предложил концепцию «умной силы», в рамках которой объединил эффективные средства «жесткой» и «мягкой силы» [Най 2014]. Применение технологий «умной силы» производится на основании национальной стратегии глобального лидерства США с учетом преимуществ использования обоих видов сил в определенных ситуациях [Наумов, Белоусова 2022]. В целом концепт «умной силы» используется в современных социально-политических исследованиях при анализе эффективных способов властвования и коммуникативного воздействия [Soft power: теория... 2015].

Технология «постправды» состоит в информационном воздействии посредством современных средств коммуникации как на индивидуальное, так и на общественное сознание. Информационное воздействие нацелено прежде всего на формирование представлений граждан о событиях или фактах, которое производится посредством манипулирования смыслами и интерпретациями содержания сообщений. Согласно Оксфордскому словарю, «постправда» означает феномен, когда объективные факты оказываются менее значимыми в формировании общественных представлений, чем эмоциональная реакция и личные убеждения. С. Фуллер постправду находит в различных сферах жизни современного общества, когда «видимость выдается за реальность», а достоверные факты оказывают меньшее воздействие на общественное мнение, чем обращение к чувствам и личной вере [Фуллер 2021].

Постправда искажает реальность, подменяя объективные факты фейковыми новостями, которые вызывают ажиотажный интерес, спонтанное возбуждение или массовую панику. Такие «новости» становятся более популярными, и трафик новостных агентств растет за счет замены «сухих фактов» на «эмоциональные фейки» — более простую и яркую для восприятия информацию [Левитин 2018]. Постправда также используется как инструмент «политики памяти», позволяя влиять на восприятие уже происшедших событий. В этом случае реальные факты подменяются вымышленными, воздействуя на эмоции людей, девальвируя сформированные системы взглядов, ценности и стереотипы. В результате воздействия постправды происходит изменение общественного мнения, а на индивидуальном уровне — смена картины мира и модели поведения [Чугров 2017].

Для продвижения постправды в общественное сознание используются различные манипулятивные технологии распространения фейковых новостей. Изначально в информационном пространстве появляются сообщения, которые выдаются за достоверные факты. Затем новости обрастают слухами и домыслами, которые преподносятся как возможные версии. Далее известные эксперты, журналисты и блогеры комментируют такие новости, распространяя свои интерпретации фактов среди адресных аудиторий. Трактовки обычно сопровождаются призывами пересмотреть прошлое, разоблачить настоящее или взглянуть на уже известные факты с другой стороны [Манойло, Попадлюк 2020]. Применение технологий постправды может изменить отношение человека к фактам прошлого и происходящим событиям, обуславливая его ценностные установки и поведение в будущем.

Технологии когнитивной войны составляют комплекс методов, направленных на воздействие на сознание противника без применения физического насилия. Применение этих технологий направлено на перепрограммирование мышления населения для слома сопротивления и навязывания воли враждебной стороны. Если информационная война затрагивает процессы передачи информации, то когнитивная война оперирует с мыслительными процессами мировоззрения и принятия решений. Основные приемы когнитивной войны состоят в воздействии на структуру мышления каждого человека для изменения принятых в обществе ценностей, предпочтений, верований и представлений о реальности. Конечная цель заключается в установлении когнитивного доминирования, т.е. абсолютного контроля над массовым сознанием населения [Медушевский 2023].

В процессе когнитивной войны обычно происходит противостояние матриц сознания. Установление своей матрицы и разрушение матрицы противника у населения означает победу в когнитивной войне. Все технологии

зависят от матричных оснований и направлены на обеспечение доминанты матрицы. Сообщения становятся инструментом когнитивной войны, когда они определенным образом восприняты. Затем интерпретированная информация обобщается, структурируется и встраивается в навязанную когнитивную матрицу [Багдасарян 2020].

Современные технологии когнитивной войны объединяют приемы психологических операций, информационной и цифровой войн. Применение технологий основывается на том, что сознание человека не просто отражает реальность, но и собирает, структурирует и категоризирует информацию, придает значение сообщениям, вырабатывает эмоции и вызывает поведенческие реакции. Методы когнитивной войны представляют собой систему манипулятивных воздействий, направленных на изменение способа мышления человека или группы людей. Эта система влияет на убеждения и поведение как отдельных личностей, так и целых групп, способствуя достижению тактических или стратегических целей, преследуемых агрессором.

Таким образом, в научных исследованиях гуманитарные технологии предстают в двух различных дискурсах. В зарубежных исследованиях дискурс состоит в анализе внедрения цифровых технологий в сферу гуманитарной помощи людям, оказавшимся по различным причинам в бедственном положении. В российских исследованиях дискурс включает множество аспектов влияния на сознание человека посредством коммуникации в различных сферах жизни. Влияние гуманитарных технологий на сознание нацелено на формирование заданных представлений, системы ценностей и моделей поведения.

Список литературы

Багдасарян В.Э. 2020. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа. — *Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки*. № 1. С. 8-23.

Домбровская А.Ю., Огнев А.С. 2024. Субъектно-деятельностный подход к типологизации гуманитарных технологий как инструментальной основы воздействия на общественное сознание. — *Власть*. Т. 32. № 5. С. 37-42.

Клачков П.В., Подъяпольский С.А. 2018. *Гуманитарные технологии и целостность государства*. М.: Ленанд. 528 с.

Левитин Д. 2018. *Путеводитель по лжи: критическое мышление в эпоху постправды* (пер. с англ. О. Терентьевой). М.: Манн, Иванов и Фербер. 272 с.

Манойло А.В., Попадюк А.Э. 2020. «Постправда» как социальное явление и политическая технология. — *Международная жизнь*. № 8. С. 102-111.

Медушевский А.Н. 2023. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. 1. — *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 85-98.

Най Дж. С. 2006. *Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике*. Новосибирск; М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды». 224 с.

Най Дж. С. 2014. *Будущее власти* (пер. с англ. В.Н. Верченко). М.: АСТ. 444 с.

Наумов А.О., Белоусова М.В. 2022. Эволюция концепции «мягкой силы» Дж. Найа: от рождения идеи до наших дней. — *Вестник Московского университета*. Сер. 21. Управление (государство и общество). № 2. С. 3-23.

Сазонова А.А. 2017. Гуманитарные технологии как теоретический концепт: основные подходы. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 3(77). С. 126-128.

Сазонова А.А. 2018. Теоретико-методологические проблемы типологизации современных гуманитарных технологий. — *Гуманитарные исследования*. № 1(18). С. 47-51.

Фуллер С. 2021. *Постправда: Знание как борьба за власть* (пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова). М.: ИД ВШЭ. 368 с.

Чугров С.В. 2017. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 42-59.

Belliveau J. 2016. Humanitarian Access and Technology: Opportunities and Applications. — *Procedia Engineering*. Vol. 159. P. 300-306.

Kalkman J.P. 2018. Practices and Consequences of Using Humanitarian Technologies in Volatile Aid Settings. — *Journal of International Humanitarian Action*. Vol. 3. Is. 1.

Meier P. 2011. New Information Technologies and Their Impact on the Humanitarian Sector. — *International Review of the Red Cross*. Vol. 93 (884). P. 1239-1263.

Nye J.S. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y.: Basic Books. 370 p.

Read R., Taithe B., Mac Ginty R. 2016. Data Hubris? Humanitarian Information Systems and the Mirage of Technology. — *Third World Quarterly*. Vol. 37. Is. 8. P. 1314-1331.

Sandvik K., Gabrielsen J., Karlsrud J., Kaufmann M. 2014. Humanitarian Technology: A Critical Research Agenda. — *International Review of the Red Cross*. Vol. 96(893). P. 219-242.

Soft power: теория, ресурсы, дискурс (под ред. О.Ф. Русаковой). 2015. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи». 376 с.

PARMA Roman Vasilievich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Leading Research Fellow of the Center for Political Studies, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; rvparma@mail.ru)

SUCHILINA Anna Aleksandrovna, Associate Professor of the Chair of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; AASuchilina@fa.ru); ORCID: 0000-0002-0513-2331

DISCOURSE OF HUMANITARIAN TECHNOLOGIES IN MODERN SCIENTIFIC RESEARCH: RUSSIAN EXPERIENCE AND FOREIGN PRACTICE

Abstract. The article examines the discourse of humanitarian technologies in modern foreign studies, reveals the category of humanitarian technologies, describes its key characteristics, and compares domestic and foreign approaches to understanding humanitarian technologies. The authors believe that the understanding of humanitarian technologies in foreign and Russian studies differs significantly. In foreign studies, the discourse consists of analyzing the introduction of digital technologies in the field of humanitarian aid to people who find themselves in distress for various reasons. In Russian studies, the discourse includes many aspects of influencing human consciousness through communication in various spheres of life.

Keywords: humanitarian technologies, social influence, information impact, public consciousness, public opinion